

МАС Т ЕРА
ОС РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ ЕКТИВА

ЭД МАКБЕЙН

ДЕТИ
ДЖУНГЛЕЙ

Эд Макбейн
Дитя-убийца
Серия «Дети джунглей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149150

Аннотация

С присущей ему точностью наблюдений автор исследует криминальную среду как специфический срез современного американского общества. Сборник рассказов «Дети джунглей» посвящен подросткам, проводящим время на улицах Нью-Йорка. Наркотики, грабежи и убийства – неотъемлемая часть опасной жизни...

Эд Макбейн

ДИТЯ-УБИЙЦА

Это был совершенно обычный вызов.

Помню, когда Марелли вошел с бумажкой в руке, мы с Эдом сидели и болтали о фильме, который оба видели по телику.

– Хочешь заняться этим, Арт? – спросил он. Я поднял глаза, скорчил гримасу и осведомился:

– И кто кого пырнул ножом на этот раз?

– Случай пустяковый, – улыбнулся Марелли. Он привычным жестом пригладил усы и добавил:

– Случайный выстрел.

– Тогда почему его спихнули на отдел по расследованию убийств?

– Случайный выстрел, повлекший за собой смерть. Я встал, поддернул брюки и вздохнул:

– И почему это они всегда выбирают самый что ни на есть холодный день в году, чтобы поиграться с военными сувенирами! – Я посмотрел на заиндевевшее от мороза окно, а потом обратился к Марелли:

– Ведь это был военный сувенир, верно?

– «Люгер», – подтвердил Марелли. – Девятимиллиметровый с дулом в тридцать восемь дюймов. Дежурный полицей-

ский проверил.

– Он был зарегистрирован?

– Скажешь тоже!

– Глупый сукин сын! – заметил я. – Думает, законы придумали не для него! – Я снова вздохнул и посмотрел туда, где Эд изо всех сил старался уменьшиться, чтобы его не заметили. – Пошли, Эд, настало время поработать!

Эд с трудом поднялся на ноги. Большой мужчина с ярко-рыжими волосами и с переносицей, сломанной сбежавшим заключенным – еще в 1945-м. Так получилось, что этот самый сбежавший оказался коротышкой около пяти футов, и Эду с тех пор приходилось выслушивать многочисленные подтрунивания насчет его сломанного носа, хотя все мы знали, что зек воспользовался свинцовой трубой.

– Беда с тобой, Марелли, – сказал он глубоким басом, – ты слишком близко к сердцу принимаешь свою работу. Марелли изумился:

– Разве я виноват, что какой-то мальчишка случайно пристрелил своего брата?

– Что? – переспросил я, беря пальто с вешалки и напяливая его. – Что ты сказал, Марелли?

– Это был ребенок, – повторил тот. – Десятилетний мальчишка. Он показывал «люгер» своему младшему брату, а револьвер выстрелил. Ну и... Черт! Сам знаешь, как это бывает!..

Я старательно обернул шею шарфом, а потом застегнул

пальто.

– Напрасная трата времени, – сказал я. – И почему полиции всегда приходится вмешиваться в личные драмы?

Марелли остановился у стола и бросил на него листок с вызовом.

– Каждое убийство для кого-то личная драма, – буркнул он. Я вытаращил на него глаза и проводил взглядом до двери. Он махнул нам рукой и вышел.

– Перлы полицейской мысли, – заметил Эд. – Ладно, давай покончим с этим!

* * *

Было жутко холодно, так холодно, что мороз кусал за уши и за руки, и возникало непреодолимое желание прижаться к пузатой печке. Эд поставил «меркурий» позади патрульной машины с белым верхом, и мы выбрались наружу, тут же растеряв тепло автомобильного салона. Патрульный полицейский стоял у выкрашенного белой краской штaketного заборчика, огораживающего маленький домик. Воротник его форменной куртки был поднят, а из глаз и носа текло. Весь его вид красноречиво свидетельствовал о том холоде, который и мы тут же почувствовали.

Мы с Эдом подошли к патрульному, и он приветственно отсалютовал, а потом принялся хлопать руками в перчатках, стараясь согреться.

– Я ждал вас, сэр, – сказал он. – Мое имя Коннерли, это я приехал по вызову.

– Старший детектив Уиллис, – представился я. – А это – мой напарник, Эд Дейли.

– Приветик! – сказал Эд.

– Это Бог знает что, не так ли, сэр?

– Мне это дело не кажется очень уж из ряда вон выходящим, – вставил Эд. – Мальчик просто показывал трофей своего старшего брата. И «бах!» Его младший братишка мертв. Такое случается семь раз в неделю.

– Конечно, сэр, я только хотел сказать...

– Вся семья в доме? – спросил я.

– Только мать, сэр. Это осложняет положение, видите ли.

– И почему же? – уточнил я.

– Ну, сэр, она вдова. Трое сыновей. Старший убит на войне. Тот самый, что прислал домой «люгер». А теперь еще и это. Сэр, вы понимаете, что я хочу сказать.

– Естественно, – сказал я. – Давайте войдем в дом, пока я не превратился в сосульку.

Коннерли проводил нас до двери и постучал в нее. Эд посмотрел на меня украдкой, и я понял, что этот пикник на свежем воздухе радует его не больше, чем меня.

Дверь сразу же отворилась, и перед нами предстала женщина небольшого роста с быстрыми голубыми глазами. В молодости она, наверно, была красавицей, но это было очень давно, теперь ее красота бесследно исчезла, оставив взамен

лишь иссушенную, морщинистую оболочку. Остались только глаза, которые свидетельствовали о том, что было когда-то. Глаза, затуманенные сдерживаемыми слезами.

– Это старый детектив Уиллис со своим напарником, миссис Оуэнс, – сказал Коннерли.

Миссис Оуэнс слегка кивнула и сильнее запахнулась в шаль от ветра, который проникал в открытую дверь.

– Можно нам войти, мэм? – спросил я.

Похоже, вдова тут же вспомнила о правилах приличия.

– Ну конечно же! – сказала она. – Пожалуйста, входите. Голос ее оказался значительно сильнее, чем можно было ожидать, и я подумал, что она не так уж и стара, как кажется на первый взгляд. Вдова, один сын которой убит на войне. Известия о смерти еще и не такое делают с людьми! Живые становятся страшнее мертвецов.

– Извините за беспокойство, – сказал я, чувствуя жуткую неловкость, как всегда в подобных ситуациях. – Тем не менее закон требует от нас проведения расследования, и...

– Все в порядке, мистер Уиллис. – Она быстро подошла к дивану и поправила салфеточки. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо.

Я уселся, и Эд сел справа от меня. Коннерли встал около батареи, заложив руки за спину.

Эд вытащил свой блокнот и деликатно откашлялся. Я принял это за сигнал к действиям и попросил:

– Не могли бы вы нам рассказать, что же здесь произошло? Ее нижняя губа задрожала, и я увидел, что у нее из глаз вот-вот покатятся слезы. Она закусила губу, нагнула голову, и когда снова подняла ее, ей удалось-таки их сдержать.

– Ну, я... я в действительности не знаю точно, как это произошло. Видите ли, я была в кухне, пекла пирог. Сегодня среда, а я обычно пеку пироги по средам. Мальчики... – Она запнулась и снова закусила губу. – Мальчики любят пироги, и я стараюсь печь хотя бы раз в неделю.

– Да, мэм.

– Я... я ставила пирог в духовку, когда услышала... какой-то шум на чердаке. Я знала, что мальчики там играют, и мне и в голову не пришло ничего такого.

– Как зовут мальчиков, миссис Оуэнс?

– Джеффри. Он мой старший. И... и...

– Да, мэм?

– Рональд, – выдохнула она и снова опустила голову. – Рональд – тот, который... Рональд...

– Был застрелен, верно?

Она не ответила. Она просто кивнула, и тут не сдерживаемые больше слезы потекли у нее из глаз. Потом она начала раскачиваться, крепко сцепив руки. Я встал, потому что был чертовски смущен, и принялся расхаживать по комнате. С пианино, стоящего справа, мне улыбались лица с четырех фотографий. Мужчина постарше, очевидно, был покойным мистером Оуэнсом. На второй был запечатлен молодой

человек в армейской форме со значками скрещенных ружей на лацканах. С других фотографий улыбались два младших мальчика.

Миссис Оуэнс перестала плакать. Она высморкалась в маленький носовой платочек и подняла глаза.

– Который из них Джеффри? – спросил я.

– Светловолосый.

Я еще раз посмотрел на фото. Джеффри мне показался приятным мальчиком с милой улыбкой и со светлыми, как у матери, глазами.

– А он сейчас дома?

– Да. Он наверху, в своей комнате.

– Мне бы хотелось переговорить с ним.

– Хорошо.

– Но если вы не возражаете, я сначала взгляну на чердак.

Похоже, она готова была отказаться, но потом кивнула:

– Конечно.

– Вам не стоит подниматься с нами, миссис Оуэнс, – сказал Эд. – Патрульный нас проводит.

– Спасибо, – отозвалась она.

Мы пошли вверх по лестнице за Коннерли, и он нам шепнул:

– Поняли, что я имел в виду? Господи, какое мерзкое дело!

– А что поделаешь! – философски заметил Эд. Чердак с оштукатуренными стенами и потолком был приспособлен

под игровую. Игрушечная железная дорога занимала половину комнаты. В другой половине лежал, прикрытый простыней, юный Рональд Оуэнс. Я подошел, отогнул край простыни и посмотрел на мальчика. Он был очень похож на старшего, Джеффри, вот только волосы у него были темными. У него были такие же светлые глаза, хотя теперь они смотрели на меня ничего не видящим взглядом. Между глазами виднелось аккуратное отверстие, а все лицо превратилось в безобразную массу из смеси крови и пороха. Я снова закрыл его простыней.

– Где оружие? – спросил я у Коннерли.

– Здесь, сэр.

Он выудил из своего кармана аккуратно завернутый в носовой платок «люгер». Я развернул платок и принялся внимательно рассматривать немецкое оружие.

– Ты открывал его, Коннерли?

– Зачем же, сэр? Дежурному патрульному не положено...

– Да брось ты! – сказал я. – Если ты заглядывал в него, то только избавил меня от лишнего беспокойства. Коннерли засмутился:

– Да, сэр, я его открывал.

– Есть другие патроны?

– Нет, сэр.

– Даже в патроннике?

– Да.

– Значит, был всего один патрон. Это странно.

– А что в этом странного? – осведомился Эд.

– Просто у «люгера» патроны вставляются сразу в обойме, – объяснил я. – По восемь штук. Странно, что там был только один-единственный патрон.

Я пожал плечами, возвращая револьвер Коннерли.

– Давайте еще тут посмотрим.

Мы стали обыскивать чердак, сами не зная, что ищем. Думаю, я просто хотел отсрочить разговор с мальчиком, который застрелил собственного братишку.

– Связка книг, – сказал Эд.

– Да ну?

– Угу. Несколько альбомов для наклеивания вырезок. Из старых газет.

– Тут тоже есть кое-что, – вставил Коннерли.

– И что тут у тебя?

– Похоже на обойму с патронами, сэр.

– Да ну? Для «люгера»?

– Похоже, сэр.

Я подошел к тому месту, где стоял Коннерли, и взял с полки коробку. Патрульный не прикасался к ней. Коробка была покрыта тонким слоем пыли. В открытой коробке находилось две обоймы, и они тоже были покрыты тонким слоем пыли. Я вынул одну обойму и посчитал патроны. Восемь. Во второй обойме их было семь.

– В этой только семь, – сказал я.

– Ага, – подтвердил Коннерли. – Вот откуда был взят тот

самый патрон, точно.

– Один из этих альбомов посвящен старшему брату, – сказал Эд, сидя на корточках.

– Какой еще альбом? – не понял я.

– С вырезками, Арт. Все о солдате. Он был настоящим героем.

– Неужели?

– Масса подробностей о его смерти. Милая коллекция.

– Что-нибудь еще, Эд?

– Еще несколько неподклеенных газетных вырезок. Ничего особенного... Однако!

– Ну, что еще?

– Черт, это довольно странно! – сказал Эд.

– Что? В чем дело-то?

Он поднялся и подошел ко мне, протягивая вырезку.

– Вот посмотри-ка, Арт!

Это была статья, вырезанная ножницами из одной бульварной газеты. Рассказ о мальчике и девочке, которые играли на заднем дворе с военным сувениром – кольцом 45-го калибра. Сорок пятый выстрелил, снеся девочке половину головы. Там была фотография мальчика в слезах и душераздирающая история о фатальном несчастном случае.

– Какое совпадение! А, Арт?

– Угу, – подтвердил я, – совпадение! – Я вернул коробку с обоями на полку. – Полагаю, пора поговорить с мальчиком.

Мы спустились с чердака, а Коннерли прошептал что-то о том, что бывают в жизни совпадения. Он позвал миссис Оуэнс. Та пришла и проводила меня в комнату сына на втором этаже дома.

Она легонько постучалась в дверь и тихо позвала:

– Джеффри?

Я услышал рыдания за дверью, а потом мальчик сквозь слезы ответил:

– Да!

– Тут джентльмены хотят с тобой поговорить. Рыдания прекратились, и я услышал шлепанье босых ног по полу. Дверь открыл Джеффри, вытирая слезы с лица. Он был худее, чем на фотографии, с ярко-голубыми глазами и узкими губами. Взлохмаченные волосы падали на лоб, а под глазами и на щеках остались дорожки от слез.

– Вы полицейские, верно? – спросил он.

– Да, сынок.

– Мы просто хотим задать тебе несколько вопросов, – сказал Эд.

– Входите.

Мы вошли в комнату. В ней стояло две кровати, по одной с каждой стороны от большого окна. Шкаф только один, и я подумал, что мальчики делили его между собой. Игрушки были аккуратно сложены в картонную коробку в углу. Стены украшали школьные награды и несколько вымпелов колледжа, а с потолка свисала модель самолета.

Миссис Оуэнс хотела было войти в комнату, но Эд вежливо попросил:

– Не могли бы мы переговорить с ним наедине? Она прижала руку ко рту и невнятно сказала:

– О да. Да, конечно.

Джефффри подошел к своей кровати и уселся на нее, подобрав под себя одну ногу. Он уставился в окно, словно игнорируя нас.

– Не хочешь рассказать, как это случилось, сынок?

– Это был несчастный случай, – сказал он. – Я не хотел, честно.

– Мы знаем, – сказал Эд. – Мы просто хотим выяснить, как это произошло.

– Ну, мы были наверху, играли в железную дорогу, а потом нам надоело. Мы начали баловаться, и тогда я нашел «люгер» Перри. Перри – это мой другой брат, убитый на войне. Я нашел «люгер» Перри, и мы начали с ним баловаться.

– Ты в первый раз увидел оружие, сынок?

– Нет-нет! – Он повернулся к нам лицом. – Перри давно прислал его домой. Еще до того, как его убили.

– Понятно. Продолжай, сынок.

– Ну, потом мы нашли патроны в коробке. Я...

– Значит, ты не знал, где они?

– Нет. – Джефффри снова посмотрел на меня. – Нет, мы нашли их только сегодня.

– А ты знал, где был револьвер?

– Ну... да.

– А ты сказал, что ты его нашел. Разве ты оговорился, сынок?

– Ну, я знал, что он где-то на чердаке, потому что мама его туда положила. Но где точно, я не знал, пока не нашел его сегодня.

– Ага, понятно. Продолжай, пожалуйста. Эд бросил на меня удивленный взгляд, но потом сосредоточил свое внимание на мальчике.

– Мы нашли патроны, я взял один из обоймы, просто поиграть. Я засунул его в револьвер, но тут он выстрелил и... и... Ронни... Ронни...

Малыш отвернулся, а потом упал лицом в подушку.

– Я не хотел! Я не хотел этого, честно! Честно! Револьвер сам выстрелил. Я не знал, что он выстрелит. Если бы я только знал! Я любил своего брата. Я любил его. Теперь мы с мамой остались одни, только вдвоем. Я не хотел, чтобы это случилось! Не хотел! Не хотел!

– Конечно, сынок, – сказал я, подошел к кровати и сел рядом с мальчиком. – Ты сильно любил своего братишку. У меня и у самого есть брат.

Эд снова бросил на меня удивленный взгляд, но я в это время похлопывал мальчика по плечу.

– Да, – всхлипнул Джефффри. – Я его любил. И Перри я тоже любил, но его убили. А теперь, а теперь... это! Теперь мы с мамой остались одни. Все нас оставили. Отец, и Перри,

и... и... Ронни. Мы теперь совсем одни. – Он принялся реветь снова. – Это я во всем виноват. Если бы мне не захотелось поиграть с этим старым револьвером...

– Ты не виноват, – сказал я. – Произошел несчастный случай. Такое случается. Никто не сможет тебя обвинить в этом.

Он постепенно прекратил лить слезы и, в конце концов, снова уселся на кровати.

– Вы же понимаете, что я не виноват, верно? – печально спросил он.

– Да, – ответил я, – мы понимаем.

Он попробовал улыбнуться, но безуспешно.

– Это был несчастный случай, – повторил он.

– Конечно, – подтвердил я, поднялся с кровати и сказал:

– Пошли, Эд. Тут нам больше нечего делать.

У двери я оглянулся и еще раз посмотрел на Джеффри. Казалось, он почувствовал огромное облегчение и улыбнулся, когда я подмигнул ему. Когда мы выходили, улыбка все еще была на его лице.

* * *

В «меркурии» было холодно, несмотря на то, что печка работала вовсю. Мы долго ехали в молчании, но Эд, в конце концов, не выдержал:

– Ладно, выкладывай, зачем ты так?

– Что зачем?

– Во-первых, вся эта чепуха о брате. Ты же прекрасно знаешь, черт тебя подери, что ты – единственный, никчемный, испорченный ребенок!

– Конечно, – сказал я. – Просто я хотел услышать из его уст, как сильно он любил своих братьев.

– А во-вторых, какого дьявола ты подвергал малыша перекрестному допросу? Господи помилуй, ему и без тебя досталось!

– Просто мне любопытно было выяснить кое-что, – ответил я. – Только и всего.

– Что еще?

– Во-первых, альбом с вырезками о его старшем брате. Все эти его фотографии и рассказы о его смерти. Почти как собрание критических статей о пьесе или о книге.

– О чем это ты, черт побери?

– Ни о чем! Но эта статья о том, как маленький мальчик случайно убил свою сестренку... Как ты думаешь, почему ребенок хранил такую вырезку?

– Черт, – буркнул Эд. – Ты же знаешь, какие дети. Возможно, она ему просто приглянулась, только и всего.

– Возможно. Может быть, обоймы от «люгера» ему тоже приглянулись.

– Что ты имеешь в виду?

– Мальчишка сказал, что нашел обоймы в первый раз сегодня. Сказал, что вынул патрон из одной обоймы и затолкал его в револьвер. Скажи мне, как ему удалось взять из покры-

той пылью коробки патрон, не оставив следов?

– Ну, он...

– Он его не брал – вот ответ. Он взял патрон из обоймы уже давно, Эд. Достаточно давно, чтобы и коробка, и обоймы успели покрыться новым слоем пыли. Это был не минутный порыв. Нет, сэр, вовсе нет.

– Эй, – до Эда вдруг дошло, – к чему, черт тебя подери, ты клонишь? Хочешь сказать, малыш сделал это намеренно? Думаешь, что он и в самом деле совершил убийство собственного брата? Убил его намеренно?

– Они теперь с мамой остались одни, Эд. Только вдвоем. Отца больше нет, нет старшего брата, а теперь нет и младшего братишки. – Я покачал головой и уставился на пар от своего дыхания, туманивший ветровое стекло. – Но попробуй только передать это дело судье, – добавил я. – Попробуй отнести эти домыслы судье, и посмотрим, как быстро он вышвырнет тебя из здания суда.

Больше я ничего не сказал. Пока мы ехали в участок, было чертовски холодно. Просто чертовски холодно.